

Жак Брель:

ВОЛШЕБНЫЙ ОСТРОВ

«Самый великий после Пиаф» — так называют Жака Бреля любители французской песни во всем мире. Жак Брель был не только замечательным певцом, он был большим поэтом и прекрасным актером. Советские зрители хорошо помнят его выступления в Москве и Ленинграде в 1966 году, помнят по фильмам «Зануда», «Профессиональный риск», «Мой дядя Бенжамен».

После того как Жак Брель в 1967 году ушел с эстрады, популярность певца несколько не ослабла. Наоборот: тиражи его пластинок подскочили. После того как Жак Брель в 1978 году ушел из жизни, популярность продолжала расти. И продолжает по сей день, как это подтверждает недавний опрос общественного мнения: большинство французов, как среднего, так и молодого поколения, назвали его любимым автором и исполнителем песен. Вполне закономерно поэтому, что вышедшая недавно биография певца в короткий срок стала бестселлером. Автор биографии журналист и писатель Оливье Годда рассказывает, как велась работа над книгой.

— ПЕРЕЖДЕ чем взяться за работу, я изучил все написанное о певце ранее. Все еще был близок, свеж в памяти безвременный конец великого артиста. И это неизбежно создавало вокруг его имени атмосферу благоговения, которая всегда мешает настоящему знанию, способствует хождению различных легенд.

— Одна из легенд, как вы пишете, относится к молниеносной славе: приехал из Бельгии юноша с горящим взором и «глубоким нутром» и, несмотря на акцент и угловатость манер, покорила Париж.

— Да, да... Я видел Бреля в поэтическом кабаре «У Жакоба», где он начинал. Это было очень слабо, даже безвкусно. И не предвещало завоеваний. Видел восемь лет спустя, на сцене большого мюзик-холла. Это было грандиозно! Чтобы за такой срок преодолеть путь от явной беспомощности до высшего мастерства, даже огромного таланта недостаточно. Требовался адский труд. И именно так Брель трудился: доводя себя до истощения, горя и... сгорая.

— Главные документы в самом начале писанки вы получили от родных Бреля: его жены Миш и трех дочерей.

— Я стал первым из журналистов (и не исключаю, что последним), кому члены его семьи оказали исключительное доверие: допустили к домашним архивам. И что не менее важно — допустили к своей памяти. Я провел долгие часы в беседах с ними, за чтением огромной семейной переписки.

— Вы выбрали для книги непростое построение. Поэмы (иначе не назывешь тексты, которые Брель создавал для своих песен) не прилагаются в конце, как принято в подобных исследованиях, а врываются в ткань биографического рассказа, будоража, подгоняя его.

— Именно так вырвались они в его жизнь, переплетались с ней, никогда при этом ее не повторяя. Непростая, непрямолинейная, но до боли тесная связь, которую мне представлялось очень важным проследить. Ведь как всякий большой мастер Брель интересен нам не сам по себе, а своим творчеством.

— Вместе с О. Тоддом мы перелистали книгу. Каждую из глав писатель дополнил своим комментарием.

Уход

— Решение Бреля оставить мюзик-холл в свое время повергло в уныние и недоумение его зрителей. У всех на устах был один и тот же вопрос: почему? В 37 лет, в «разгар» успеха?

Он ведь был из числа тех редких людей, которые навсегда, «неизлечимо» остаются детьми, не утрачивают надежды объять мир, испробовать самое трудное, исходить нехоженными тропами... Моя книга называется «Жак Брель. Одна жизнь». Одна. Но ему хотелось успеть прожить в ней несколько. И каждую — упоенно, насыщенно, яростно. Утопия. Но он в нее чистосердечно, опять же по-детски верил... В тот момент, когда певец пришел к выводу, что самый тернистый отрезок пути в мюзик-холле преодолен, он ощутил что-то вроде паники: слишком реальной показалась перспектива «обосноваться». К тому же обосноваться где? В мире шоу, который именно в тот период становился настоящим бизнесом: шоу-бизнесом. А Брель, хоть и называл себя порой с горькой иронией «торговцем песнями», никогда им не был и не мог быть по натуре.

«...В коллективной памяти прочно утвердилось, что в последний раз Жак Брель выступал осенью 1966 года... Премьера незабываемых гастролей в «Олимпии». Стены артистической обклеены бледно-голубыми листками телеграмм. Груды телеграмм на столе. Те, кто смог оказаться сегодня в зале и кто не смог знаменитости и люди «без имени» — все спешат подтвердить ему свое восхищение, любовь. Мирей Матье («Придите мою долю криков «браво» вашему триумфу!»), Марсель Амон («Попутного ветра и счастливого пути»), импресарио Сюзи Лебрен («Где взять силы, чтобы продолжать без тебя. Опускаются руки»)... А под этими словами нет подписей: «Господи Жак Боэль! Вы отдохните как следует, займитесь всем, чем вам хочется. Но возвращайтесь. Молю вас об этом от имени всех, кому без вас плохо!»

Нет, Жак не совершит лжеухода, не «пробисерирует» свое прощание, как никогда не бисерил своих песен.

— Двадцать минут аплодисментов. Жак несколько раз выходит кланяться: уже в халате, в одних носках. Улыбающийся, счастливый. Раньше он не разговаривал с залом... Но тут:

— Спасибо. Это награда за 15 лет моей вам преданности.

«...После «Олимпии» Брель еще шесть месяцев гастролирует, выполняя старые, заключенные ранее контракты. Последний, совсем последний концерт он дает в городе Рубе на севере Франции 16 мая 1967 года. Жак умеет владеть своими чувствами на публике. Надо всех убедить, что сегодня не происходит решительно ничего особенного. Он убедит. Но... после каждой светлой песни он подходит вплотную к ролю и, утирая платком пот с лица, спиной к залу, шепчет своему пианисту: «Вот и с этой покончено навсегда»...

Еще не родились к тому времени его известные строчки:

Пора пускаться в путь,
Прихватив с собой сердце,
Ничего, кроме сердца,
И в путь — туда, где нас нет.
Однако примерно это твердит он теперь себе неустанно...»

Кино

— Туда, где нас нет... Но куда именно? Такое впечатление, что Брель стоял на перепутье и колебался: в литературу, в театр, в кино?

— Писать он пробовал с детства. Я нашел в архивах его юношескую новеллу «Бродяга» — наивную, стилистически неуклюжую. Но вся нетерпимость Жака к мещанству, к буржуазной ксенофобии уже выражена в ней. До конца жизни он не расставался с идеей романа-притчи о революционере-трибуне, погибшем во время народного бунта. Уйдя с эстрады, уже было сел за него. Но отложил: звала театральная сцена, ждала желанная роль «двойника» Дон Кихота в музыкальной комедии «Человек из Ламанчи». А потом все силы сосредоточились на кино. За шесть лет он сыграл десять больших ролей, в том числе две в фильмах, снятых им самим. Итог напряженной работы по обе стороны от камеры, на мой взгляд, схематично следующий: 1. Доказал, что настоящий, незаурядный актер. Его игра в таких лентах, как «Профессиональный риск», «Мой дядюшка Бенжамен», «Зануда», просто незабываема. 2. Доказал, что мог бы стать настоящим, незаурядным режиссером. Прекрасно направлял исполнителей, блестяще овладел съемочной техникой (призванный на первых порах в консультанты Клод Лелюш, наблюдавший за дебютантом час-другой, заключил, что «консультант тут делать нечего»). Не успел стать потому, что не усвоил законы построения сюжета на экране: писал свои сценарии как длинные песни... Вообще в кино он часто рисковал, очень полагался на интуицию. Но если на эстраде она была почти безошибочной, то тут не раз его подводила. За первым порывом следовали разочарования. В этом отношении показательна история одной сьемки...

«Клод Лелюш пригласил Бреля зайти в свою контору.

— Собираюсь ставить новый фильм «Авантюра есть авантюра», имею на вас виды.

— Великолепно!

— Обычно я не даю актерам заранее читать сценарий.

— Так оно и лучше.

— Но расскажу сюжет.

— Не стоит. Я много слышал о вашей манере снимать. Хочу испытать ее на себе. Дайте роль, какую хотите. Делайте со мной, что хотите. Я вам доверяю.

«Ни с одним из актеров не было у меня столь короткого первого собеседования»... — вспоминал впоследствии режиссер...

«Изматывающий ритм, работаем по 17 часов в сутки» — пишет Брель с места съемок. — Но народ подобрался исключительный, интересный. Все бурлит, клокочет, стелкивается. Техника Лелюша ошеломляет: невероятная точность и одновременно полная свобода фантазии...»

Поначалу и сам сюжет забавляет Бреля. Позднее Жак усомнится в правильности авторских интонаций и акцентов. Другим и близким признается, что недоволен ни фильмом, ни собой в нем».

Самолет

— В числе его несуществующих кинопланов — постановка ленты о летчике, совершающем на заре авиации перелет через Атлантику.

— На вопрос анкеты «Кто ваш любимый писатель?» он отвечал: «Сент-Экзюпери». На вопрос «Кем бы вы хотели стать, если бы не стали певцом?»: «Пилотом эпохи Элерно» (французский авиаконструктор, первый пересекший в 1909 году Ла-Манш). История покорения неба была для Бреля самым завораживающим приключением человечества. И однажды он сам к этому «приключению» немного приобщился: сел за штурвал... Это было исполнением детской «неисполнимой» мечты. Это была еще одна жизнь, которую он хотел прожить.

«Лето 1964 года... Сегодня концерт в Биаррице, а завтра надо лететь на другом конце Франции, в Шерлевиле. Расстояние большое. Времени мало. Импресарио Шарль Маруани нанимает самолет-такси. В кресле пилота — веселый, общительный Поль Лепанс, бывший летчик-испытатель. Жак рядом. Лепанс ощущает энтузиазм своего пассажира. Попутно объясняет азы пилотирования. Руки Бреля дрожат от нетерпения. Он принима-

ет мгновенное решение: «Буду учиться водить самолет».

Занятия нерегулярны, зависят от «окон» в гастрольях. Телефонный звонок Лепансу: «Поль, ты свободен? Сделаем кружок? В три у меня запись на телевидении... Но ученик всегда предельно собран. Лепанс находит, что у Бреля исключительные способности. А уж он-то может сравнить: подготовил более пятисот авиалюбителей. Обычно дебютанта «отпускают» в воздух одного после четырнадцати часов полетов с тренером. Бреля отпускают после десяти, выдают права 1-й степени...»

Он влюблен в атмосферу товарищества на летном поле, в разговоры, споры среди летчиков... Ему необходимо, чтобы каждый его пассажир был в курсе всех маневров пилота. Чтобы каждый участвовал. И умел, если потребуются, удержать машину в воздухе. Вот он делает вид, что ужасно устал. Обращается к спутнику:

— Ты поддержи штурвал, пока я немного вздремну. Если встретится тучка, обойди ее снизу. Или сверху. Следи за стрелкой...

И он закрывает глаза. Не до конца, разумеется.

Как и на эстраде, в воздухе Жак хочет быть профессионалом. Осенью 1969 года он записывается в Женевскую летную школу «Крылья». Его инструктор сначала настроен скептически: знаем мы этих знаменитостей, они загораются, потом быстро остывают. Брель не из их числа. Он исполнен готовности подчиняться самой суровой дисциплине.

«Прошел слух, что Брель намерен «уйти в летчики», утверждали даже, что бельгийская компания «Сабена» предлагает ему место... Нет, пилотом пассажирской линии не становятся в 44 года. И ни одна из авиакомпаний не делала ему подобных предложений. Но верно другое: одно время Жак серьезно подумывал стать инструктором в авиашколе «Крылья», той самой, где он учился».

Последний диск

— В 1962 году он написал песню «Остров», которую назвал «программой»: всю жизнь мы ищем тот волшебный остров, что «остался ждать нас у ворот детства», что «задремал в глубине наших глаз», остров, «где все начинается сначала»... А 12 лет спустя, поняв, что тяжело болен, заторопился, отправился в дальнейшее плавание. Через некоторое время до Парижа долетело известие: Брель добрался до Маркизских островов, постоянно поселился на одном из них — Ива-Оа. Поэтический образ вдруг обрел конкретный адрес.

— Этот последний период жизни певца наименее известен. И потому наиболее легко поддается красочным, «экзотическим» легендам. Нет, не ради экзотики бежал Брель «на край света» — хотя путешествия были его вечной, неутоленной страстью. И не ради покоя — хотя именно покой настоятельно рекомендовали ему врачи. Бежал скорее от пустой суеты, на которую часто приходилось размениваться, от низких, меркантильных интересов, разъедающих общество и все больше угнетающих артиста. Ему слишком дорого теперь было время, которого оставалось «в обрез», слишком многое хотелось успеть.

«...На острове Брель снимает маленький домик. Кокосовые пальмы, авокадо, мандарины... Он здесь впервые начинает чувствовать природу. Сам сажает цветы и овощи. К некоторым из коренных жителей Жак очень привязывается. Что касается европейцев, то тут он крайне «разборчив» и осторожен. Местная «знать» — врачи, преподаватели, — желая завести знакомство, приглашают к себе. Более чем твердый отказ... Даже с редкими друзьями он избегает говорить о своей работе, о песнях. Между тем именно в работе проходят дни. И в борьбе с жарой. От влажности на Ива-Оа жирно лоснятся растения и учащенно дышат заезжие туристы. Далеко не идеальный климат для человека с большими легкими... Он устал. Очень устал.

Однако 30 мая 1977 года он пишет композитору Жерару Жуанесту: «Собираюсь записать на пластинку кое-что из своих очередных пустяков... Рассчитываю быть в Париже в сентябре. Сообщи, не смог бы поработать со мной в этот период».

«Пустяки» — это 17 новых песен, в которых сконцентрировано все, что переполняет его, чем он существует: родная Бельгия, война, уходящее неуголовное время, любовь, страдания, неравенство людей.

«Брель возвращается в Париж. Тайно ежедневно репетирует с Жуанестом у Жюльетт Греко, на улице Верней. Об этом сначала не знает никто, кроме его врача. В восемь утра он «выныривает из-под земли». Так же стремительно исчезает. Сама Греко — верный и ненавязчивый друг — не показывает, чтобы не мешать.

— Где же она? — не выдерживает Жак.

В благодарности за «приют» он подарит ей одну из семнадцати песен. Он настаивает, чтобы она непременно записала ее первой: она ведь тоже собирается выпустить пластинку.

«Жаку плохо в Париже. Потому ли, что, как он пишет в открытке, отправленной на Маркизские острова, «журналисты снова ходят по пятам»? В другой открытке: «...Пластинка записана. Можно немного отдохнуть, прежде чем пускаться в обратный путь. С журналистами на хвосте! Есть от чего сойти с ума».

«...Июль 1978 года... Самочувствие ухудшилось.

По совету местного врача Брель срочно вылетает с островов в Барноу. На аэродроме в Таити полицейские получают от высшего комиссара приказ: никаких фотографов. Тем не менее фотоафия появляется. В «Пари-матч». На целый разворот. Кто снимал? Выясняется: шифровальщик из «...комиссариата полиции. Шифровальщик увольняют. Снимок остается. Брель подает на журнал в суд... Фотографы снуют вокруг гостиницы под Парижем, куда помещен певец, пытаются подкупить медсестер, надевают белые халаты, прокрадываются в коридоры, забираются на деревья напротив палаты.

Август. Еще четыре страницы снимков в «Пари-матч». Полтора месяца спустя — там же фотография на разворот. Размытая, с огромным зерном. Но можно различить голову в бинтах, халат. Подпись: «Человек-невидимка Жак Брель». И дальше: «Он стесняется собственного мужества...».

Бреля ослепляет ярость. Снова суд, который на сей раз признает наличие «посагательства на личную жизнь».

«Бреля не стало... Звучат прощальные слова друзей. Жорж Брассенс: «Те, кого мы любим, не уходят. Они лишь ненадолго отлучаются. Стоит поставить пластинку Жака, и он снова будет с нами». Серж Реджани: «Он воплотил лучшее, чего можно добиться в мюзик-холле. Он — самый большой из всех нас».

Ему хотелось вернуться на свой остров. Последняя воля выполнена: он возвращается туда. Чтобы остаться навсегда. В городе на Ива-Оа.

В Атуана, на старом миссионерском кладбище можно найти его могилу, а в Брюсселе на третьей линии метро можно сойти на станции «Жак Брель»...

— КНИГА закрыта. Вам хочется что-то добавить?

— Разве что одно пожелание. Из семнадцати вещей в последний диск в конце концов вошли только двенадцать. Пять Брель неумолимо исключил, хотя они были записаны в студии. Узнаю неизменную требовательность певца к себе. Но не могу на сей раз согласиться с ней. Мне нравятся эти «отверженные» песни. И я надеюсь, что когда-нибудь они станут достоянием не только биографов. По-моему, они имеют на это право. И те, кто любит Бреля, имеют право их слышать.

Елена КАРАСЕВА.

ПАРИЖ.